

ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ II КОНГРЕССА ФАШИСТСКИХ ИНСТИТУТОВ КУЛЬТУРЫ (1931)

Перевод с итальянского языка¹

Публикация Т.П. Нестеровой

II конгресс фашистских институтов культуры открылся в Риме 21 ноября 1931 г. и стал значительным событием в истории фашистской политики в сфере культуры. Конгресс показал, что культура из маргинальной сферы интересов фашистского режима переходит на одну из первых позиций; культура начинает играть существенную роль в системе пропаганды, как направленной за пределы Италии, так и внутри страны. Системе культуры, как и системе образования, придавалось огромное значение в формировании «нового человека», соответствующего задачам режима. Не случайно на первом заседании конгресса присутствовал Дуче фашизма, премьер-министр Италии Бенито Муссолини.

Начало процессу формирования фашистской культурной политики было положено в 1925 г. проведением конгресса деятелей фашистской культуры, основанием Национального фашистского института культуры и формированием сети региональных фашистских институтов культуры, которые должны были стать центрами по пропаганде и распространению новой культуры в массах. Фашистские институты культуры возникли почти во всех провинциальных центрах Италии (к 1931 г. институты фашистской культуры действовали в 89 из 92 провинций Италии). Руководство сетью институтов осуществлял Национальный фашистский институт культуры, первым директором, а позднее президентом которого был известный итальянский философ, политик, специалист в сфере образования Джованни Джентиле (1875-1944). На II конгрессе институтов фашистской культуры (который одновременно считался II конгрессом фашистской интеллигенции, были подведены итоги развития системы организации фашистской культуры в 1925 – 1931 гг. и намечены планы будущего расширения деятельности института, в первую очередь в сфере пропаганды.

Среди направлений пропаганды значительное место занимала пропаганда корпоративизма и корпоративной системы в целом, достижений фашистской экономики и культуры, а также колониальной политики. Особое значение в деятельности Национального фашистского института культуры придавалось внешним культурным связям и пропаганде фашизма за рубежом. Первоначально для пропаганды достижений за рубежом была создана куль-

---

¹ Перевод выполнен Е.В. Кровяковой и О.В. Резиной, отредактирован и подготовлен к печати Т.П. Нестеровой

турная ассоциация «Италика» (1923) с резиденцией во Флоренции; в 1925 г. деятельность этой ассоциации была сочтена чрезмерно аполитичной и нефашистской, после чего «Италика» была преобразована в ассоциацию с государственным участием и оказалась полностью под контролем фашистского режима. В 1930 г. «Италика» была включена в состав Национального фашистского института культуры в качестве отдела внешних культурных связей. Руководил данным отделом бывший директор «Италики», ставший заместителем директора Института, сенатор Гвидо Висконти ди Модроне.

Публикуемые ниже выступления Джованни Джентиле и Гвидо Висконти ди Модроне посвящены деятельности Национального института фашистской культуры и состоянию политики фашистской Италии в сфере культуры как внутри страны, так и за рубежом. Все материалы II конгресса были опубликованы в журнале «Фашистское образование» («L'educazione fascista»). Переводы выступлений Дж. Джентиле и Г. Висконти ди Модроне выполнены по тексту, опубликованному в названном журнале².

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЖОВАННИ ДЖЕНТИЛЕ 21 НОЯБРЯ 1931 г.

Дуче, Ваши превосходительства, господа,

это второй конгресс фашистской интеллигенции. Первый проходил в Болонье почти семь лет назад, в марте 1925 года, и был ярким подтверждением существования новой веры, вдохновляющей итальянскую культуру. Немного позднее появился на свет знаменитый, исторический Манифест Итальянцев, которые присоединились к этой вере, и это были лучшие представители мысли, литературы и искусства нового времени. В противовес Манифесту был выдвинут Анти-Манифест, вокруг которого объединились представители той итальянской культуры, которая в Болонье была подвергнута осуждению: вспомните ту язвительность, детскую наивность подозрительных политиканов, жертв традиционных идеологий, воспринятых и исповедуемых как догма; упрямый консерватизм литераторов, философов, образованных людей; раздражение и лень интеллигенции, не расположенной слушать побуждающий голос мертвых, которые поверили когда-то в Великую Родину, и живых, которые вместе с ними боролись и хранили верность своим идеалам, готовые защищать их ценой своей жизни.

А затем началась ярмарка тщеславия – легкомысленного тщеславия в соблазнительных поисках славы, которую можно недорого приобрести через противостояние на бумаге. Большая ярмарка, большая комедия, которая угрожала превратиться в печальную трагедию, когда открылись вдруг глаза на реальность, которая разворачивалась в соответствии с логикой, отличной от необдуманных предположений, вдохновивших некогда определенные абсурдные поползновения; когда все увидели, что речь уже не идет о старой игре партий, сваливающих друг на друга ответственность, в которой каждый мог преспокойно сказать «да» или «нет» без всяких обязательств, ничем не рискуя. Взорам предстала реальность, в которую противники верили и которую не собирались оставлять; и дей-

---

² L'educazione fascista. 1931. N 12. P. 1061 – 1087.

ствительно это была железная реальность с железными законами, и с ней необходимо было считаться, что было не так то просто. И тогда, обратившись к своей совести, многие решили снять с себя ответственность причастности, на которую слишком легко согласились раньше. Все вместе это было поистине поучительным зрелищем. Отказы, отречения, объяснения, моральный кризис, внезапные метаморфозы; в скором времени стало трудно сосчитать тех, кто не снял свою подпись. Таким образом, в один прекрасный момент показалось необходимым и справедливым поместить знаменитый Анти-Манифест среди документов темных легендарных доисторических времен – тех документов, в которых реальные исторические данные перемешаны с вымыслом, а затем эта смесь увеличивалась в размерах, искажалась и в результате кристаллизовалась в почти нереалистическое, надуманное произведение. Документ такого рода недостоверен, поэтому должен анализироваться с критической рассудительностью, как один из тех останков древности, в которых, впрочем, читается история, но какая история? Не точная история, с деталями, подробностями, именами и фамилиями, как имена тех профессоров и писателей, в сторону которых бросали свои проклятья шумные студенты, подстрекаемые к фанатичному безумству новыми лжепророками, либо же которые преследовались стараниями лицемеров, отсутствие личной заинтересованности которых очень сомнительно. В таких документах читается история, но история, которую Вико называл идеальной, которая в эти последние годы стала историей старой Италии, которая после войны должна была умереть, а она не хотела умирать, и пыталась, не по воле единиц, а по законам истории дать последнюю битву – или, по крайней мере, оказать пассивное сопротивление.

Италия всегда отличалась скептицизмом в философии, равно как и в религии, и в политике, и в частной жизни. Этот скептицизм объясняется тем, что образованная и не забывающая прошлое, она склонна более к тому, чтобы хранить идеи и убеждения в интеллигенции, чем претворять их в жизни. Она всегда обращена к идеалу академической и бесплодной культуры; к философии более продуманной, чем прочувствованной, и поэтому оторванной от сердца и от мира; к религии, которая все больше ограничивается только внешними проявлениями и не вызывает чувств, терзаний и беспокойства души; к сладкой жизни без борьбы, уже давно отвыкшая от всяких военных тягот, от всякой тренировки тела, которая является одновременно тренировкой человеческой природы, то есть воли и характера. Не такова ли она, эта старая Италия, которая привлекала когда-то иностранцев, блистала в произведениях наших художников и поэтов, которая заполняла нашу литературу, – традиционная Италия, мать искусств, и все же слабая и зависимая, когда, спасенная усилиями поколений героев, выросших из великих потрясений конца XVIII века и первой половины XIX века, она в скором времени скатывается к либерализму, агностическому и расточающему всякую политическую и моральную энергию?

Эта Италия в 1915 году все же очнулась и нашла силы, чтобы победить, прежде всего, саму себя, и, в конце концов, вышла на поле битвы и смыла кровью слабости и ошибки, заслужила победу и завоевала гордое представление о самой себе. Но это была более молодая Италия, которая по окончании войны обнаружила старое, но еще живое правительство, неспособное оценить значение войны и победы, защитить страну от разрушающей силы грубых и

необразованных масс, находящихся во власти материальных интересов и издающих над принесенными жертвами.

За войной, поэтому, последовала Революция, которой поначалу аплодировали, так как она спасала страну от распада. Но когда за первой фазой простого восстановления порядка последовала реальная практическая перестройка, поскольку все же было необходимо возродить ту Италию, которая смогла выиграть войну, период защиты, укрепления и консолидации ее, тогда старая Италия пала духом, испугалась, отступила и начала ворчать, удивленная тем, насколько серьезно обрабатывались все раны, которые нужно было залечить, чтобы дать телу нации здоровье и жизненные силы.

Этим объясняется политическая борьба в Италии в те семь лет, начиная с 1925 года. Борьба в чем-то обычная, а в чем-то совершенно беспрецедентная, состоящая из больших битв и мелких стычек, сплетен, псевдофилософских и псевдолитературных дискуссий с политическим подтекстом, в основе которых зачастую лежали личная досада, злой умысел. В то же самое время продолжалась законодательная, общественная и воспитательная деятельность Революции, и таким образом быстро и неотвратно шло к концу великое политическое противостояние, обломки старого все дальше отодвигались к краю, а настоящая, реальная Италия консолидировалась и начинала дисциплинированно двигаться в ритме военного марша, а улицы и площади звенели от пения молодежи, от надежды и энергии.

Господа, сегодняшняя Италия – это не Италия 1925 года, и поэтому оппозиция 1925 года относится теперь к доисторической эпохе. Нет больше парламента, какой был когда-то, а есть Большой Совет, учредительный орган государства. Примиренная церковь признает сама и заставляет признать во всем католическом мире итальянский Рим, неприкосновенный символ национального единства. Социализм и противостоявший ему слепой индивидуализм повержены Хартией Труда. Экономика и политика объединены в необходимом синтезе Корпорации. И вот наконец-то, неприкаянная интеллигенция – благодаря 18-й статье августовского декрета о высшем образовании – исчезает из наших университетов, где она находила до вчерашнего дня приют и покой, необходимый для работы, и возвращается в школу. Итальянская Королевская Академия начинает собирать цвет итальянской интеллигенции под знаменем обновляемой Италии. Что касается приведения в порядок и улучшения жизненных условий, в этом везет далеко не всем регионам. Внешний вид наших городов приобретает новый образ и новую красоту. Страна озаряется искрами человеческих страстей и душевных порывов. Горы, жертвы безумной жадности, одеваются в зелень лесов, пейзажи восстанавливаются, пляжи переполнены летними лагерями для детей. Дети организованы, объединены, научены чувству Родины – с колыбели. Молодежь стала рядами в вооруженных фалангах, моральная дисциплина руководит их душами и побуждает выполнять гражданский долг. Рим, наш Рим, почитаемый любым цивилизованным человеком, наконец-то с отвагой – по римски великодушной – освобождает остатки его античной всемирной славы от обломков темных времен варварства и забвения, и вновь видит солнце этот удивительный памятник, древнее величие которого новая душа чувствует и возвращает его к новой жизни, чтобы защитить его и увековечить. Вы видели Алтарь Родины, в котором Италия эпохи Рисорджименто хотела выразить при-

знательность великому королю (Виктору Эммануилу II – *Т.Н.*) за завоевание своих осознанных прав и своей новой истории – как он прежде возвышался над тоскливой пеленой нищеты и бедствий, окружавших его, и как он сейчас в первый раз сияет между священным Капитолием и колонной Траяна, символом побед Рима.

Господа, нет сегодня иностранца, который бы пересек Альпы или пристал к нашим берегам, и не почувствовал необходимости выразить свое восхищение новым обликом нашей Родины. Обращая прежде всего внимание на новый вид вещей, он видит новых граждан, новый народ, который и выглядит по-другому, и смотрит по-новому. Таким образом, он приезжает в Рим с любопытством и стремлением наблюдать, изучать, увидеть и понять. Это инстинкт, не простое любопытство, но рациональное желание постичь до корней секрет этой трансформации, о которой говорит все. Этот инстинкт заставляет его искать в Палаццо Венеция Человека, о котором говорят во всем мире, чей сильный голос слышат сегодня все люди, наблюдающие за кризисом, который переживает человечество, кризисом не экономическим, разве что в каком-то из своих аспектов, а кризисом духа, воли и мысли.

Сегодня Рим говорит в мире слово, которое все слушают, хотя многие и ненавидят. Друзья и враги, почитатели и противники не могут оставить его без внимания. Это знак того, что здесь происходит история. Несколько сов, которые не переносят солнечный свет, пока еще могут летать среди итальянцев в часы ночи и не признавать поэтому то благодатное светило, чьим теплом они живут. Но мир велик, и в нем есть место также и для этих сумеречных пернатых, которые никогда не совершат полет в небе, освещенном солнцем.

Директор Национального Фашистского Института Культуры рассказал о пути, который был проделан с 1925 года до сегодняшнего дня в сфере, которая ему была доверена. Я хочу сказать, что если и был проделан такой большой путь, заслуга эта принадлежит не только нашей фашистской вере, нашей твердой воле, нашему честному труду, но прежде всего Италии, которая изменялась и открывалась каждый день чувству и концепции своей новой духовной направленности, и тому, кто вел итальянский народ и направлял его своей крепкой рукой по пути этой внутренней трансформации. Мы были верными и прилежными исполнителями программы, которая имела практическое значение, потому, что тот, кто нам ее доверил, санкционировал ее своей властью, и нам делало честь, что он поощрял и поддерживал наши инициативы и заставлял молчать неконструктивных критиков, которые время от времени просыпались и начинали свои надоедливые разглагольствования.

Как бы то ни было, Национальный Фашистский Институт Культуры – со своей литературной и научной деятельностью в центре, со своими отделениями и организациями в провинциях Италии в этот первый период своего существования, который сегодня завершается, посчитал необходимым внести свой вклад, прежде всего, в создание основ новой культуры, а не только в ее непосредственное строительство, то есть участвовать в синтезе, а не в анализе. Нужно было объединить вместе те новые проблемы, которые Фашистская Революция поставила перед национальной мыслью, создавая новую духовную атмосферу, в которой эти проблемы возникают, приобретая особое значение и особую значимость. Нужно было защитить новую точку зрения, состоящую в

том, что фашизм требует от деятелей культуры быть ее создателями и распространителями, участниками ее развития в национальном сознании. Нужно было опровергнуть тотальные отрицания противников путем утверждения, опять же тотального, духовных ценностей, истин, принципов, которые провозгласил фашизм. Таким образом, было необходимо создать новые клубы и залы, в которых граждане заполнили бы свои досуг не традиционными встречами – праздными, забавными, иногда скучными, более или менее светскими, несерьезными или, напротив слишком академическими, – но серьезным изучением какого-либо вопроса, актуального или просто интересного в данный момент, поскольку он принадлежит к живой ткани культуры живых людей, живущих духовной и политической жизнью своего времени в своей стране.

В этих новых институтах необходимо было приучить умы ко вкусу новой культуры, которая не является или только совокупностью отрывочных и поверхностных, хотя и полезных знаний, приобретенных зачастую без метода и неразумно; или псевдонаучными знаниями, лишенными основной особенности, присущей любому чисто научному знанию, то есть лишенными критичности и доказательности. Это была культура старых университетов, типового обучения ушедших времен демократии, которая возвеличивала народ, понижая уровень всех иных ценностей, ослабляя, следовательно, силы, с помощью которых дух народа восходит к вершинам цивилизации. Но фашистская культура означает – человеческая культура, формирование умов и характеров, воспитание интереса человека к своей личности, к проблемам, которые она постоянно порождает из самой себя, к миру, к которому эти проблемы относятся, миру духовному, то есть тому, который проявляется в людях через их действия и страсти, через веру, работу, ежедневную борьбу, через медленную постоянную внутреннюю работу духа. Это мир, центром которого всегда являемся мы, и мы должны осознать, что сами являемся его творцами, поскольку у нас есть программа, цель и сила, чтобы реализовать их. Цель и программа эти требуют настойчивых серьезных размышлений, как в том случае, когда дело касается наших главных интересов и нашей глубинной сущности, если мы хотим жить с открытыми глазами, не рискуя теми маленькими дарованиями, которые в жизни нам были даны.

Сегодня полемика против противников утратила значение, поскольку противников больше нет. Фашизм победил, и можно позволить мертвым хоронить своих мертвецов. Настаивать на необходимости новой культуры, которая должна быть фашистской, продолжать комментировать и иллюстрировать принципы фашистской цивилизации, критерии, концепции и институты, в которых воплотился Режим, реализуя дух нового итальянца, может показаться излишним занятием, ни полезным, ни слишком мудрым. Основы уже заложены, настало время строить. Итальянский народ стал фашистским народом, отступников изгнали с дороги, по которой этот народ свободно шагает и будет шагать дальше, – но только если будет сохранять дисциплину. И дисциплина не может быть только внешней, должна быть дисциплина внутренняя, дисциплина духа и мыслей.

Как не достаточно крещения, чтобы стать христианином, так и не достаточно получить партийный билет, чтобы стать фашистом. Также и здесь нужно благословение, которое поддерживало бы человека сегодня и завтра и

не покинуло бы его никогда. Я хочу сказать, что необходимо образование и самообразование, постоянное стремление к совершенствованию, через размышления и через поступки. Несогласие с противниками ведет к полемике, к старанию доказать собственную правоту. Но мы живые люди, и бывает, что мы не соглашаемся даже с друзьями, и я хочу сказать, что это хорошо. Даже среди самых верных членов одной и той же партии случаются расхождения во мнениях, и подразумевается, что не могут быть правы все. Нужно обсуждать, нужно критиковать то, что на первый взгляд кажется истинным, слушать доводы того, кто сомневается и думает иначе. Через такое обсуждение и критику, через эти взаимные поправки каждый из нас может действительно победить самого себя и стать истинным фашистом. Предполагать, что ты являешься тем, кем хочешь быть, означает преградить себе путь к тому, чтобы стать таковым. Наоборот, нужно всегда не доверять себе полностью и всегда чувствовать себя ниже того идеала, которым восхищаешься, и того титула, который хочешь заслужить.

Конечно же, эти истины не оригинальны, и у меня не хватило бы смелости изложить их здесь и сейчас, если бы именно в этот момент я не посчитал уместным вновь напомнить их как противоядие естественной уверенности в своих силах, всегда овладевающей сердцем победителей., которые, будучи хозяевами поля битвы, соблазняются верой в то, что они помазанники Божьи. На деле выигрывает идея, а не люди. И они, чтобы воплощать эту идею, должны всегда, каждый день, каждый час, каждый миг расти, и, чтобы расти, они должны чувствовать свое несовершенство и думать, размышлять с волнением о высоте, к которой стремятся.

Необходимо постоянно возвращаться к проверке своих идей и отсюда своих поступков. Это и есть культурная деятельность, которую отчасти, что касается поведения фашиста, надлежит контролировать партии; но отчасти, что касается доктрины и общей концепции, может и должно быть задачей наших институтов культуры, которые, следовательно, берут на себя перед страной и перед Дуче высокую ответственность. И мы, если Вы, Дуче, доверяете нам, возьмем ее на себя и выполним наш долг с покорностью и верностью истинных последователей, твердо уверенные в том, что, шагая вслед за Вами, мы будем работать на благо Режима и на величие Родины.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Гвидо Висконти ди Модроне 22 ноября 1931 г.

Не знаю, представится ли мне ещё хоть один раз в жизни такая возможность. Наш выдающийся президент предоставил мне возможность выступить с докладом на очень интересную тему: пропаганда за границей. Это для меня большая честь.

Этот доклад был написан, даже более того, думаю, он был опубликован два дня назад. Но сегодня произошло событие, которое должно наполнить нашу душу радостью³. В этом смысле все то, что я отстаивал и предска-

---

³ Имеется в виду включение прежде автономной общественной организации по пропаганде итальянского языка и культуры – Общества Данте Алигьери (Società Dante

зывал в моем докладе, произошло. Если бы это случилось вчера, то можно было бы сказать, что мои слова имели мгновенный успех, однако случилось так, что успех опередил мое заявление. Надо сказать, что подобное уже случалось и раньше. Это не первый раз, когда я выражаю мысли нашего выдающегося коллеги и президента. Если мы хотим сделать что-то реальное, плодотворное в сфере пропаганды за границей, необходимо реорганизовать и координировать деятельность всех институтов. Необходимо упразднить все те незначительные начинания общества, которые не несут политической ответственности и осуществляются не от имени правительства, потому что при фашистском тоталитарном режиме все должно идти из Рима.

Крупным институтом, который был освобожден от необходимости действовать вне режима, и находится под контролем государства, была знаменитая ассоциация «Данте Алигьери», которая всегда ревностно относилась к своей свободе. Однако сейчас даже «Данте Алигьери» признала необходимость действовать в рамках режима и со всей ответственностью подошла к пропаганде за границей. Это событие имеет большое значение для распространения идеалов фашизма в мире.

Главное место в повестке обсуждения II Конгресса Институтов Культуры занимает тема пропаганды за границей.

До сегодняшнего дня эта тема не обсуждалась. Только сегодня представители разных Фашистских Институтов Культуры были приглашены на конгресс, чтобы сосредоточить свое внимание на этой крайне деликатном вопросе и выразить свои мысли по поводу методов и, прежде всего, по поводу целей, которые необходимо достигнуть.

Можем сказать, что до прошлого года Национальный Фашистский Институт Культуры, а тем более другие институты, разбросанные по всей Италии, не ставили перед собой проблему охраны и распространения итальянской культуры за границей.

Они добивались немедленных, видимых результатов, а именно разностороннего развития итальянской культуры, что, прежде всего, использовалось как инструмент для народного образования.

Каждый институт жил своей независимой городской и провинциальной жизнью, следуя привычке, и подчиняя свою деятельность в культурной сфере интересам и вкусам своего населения.

Это было удобно. Хотя в Риме процветал Национальный Фашистский Институт Культуры, который должен был бы стать движущим центром всей культурной деятельности Режима, было удобно, что в каждом городе зарождались, я хотел бы даже сказать самозарождались, местные институты, подтверждая тем самым желание духовного обновления, которое с момента прихода Режима к власти с каждым днём закреплялось во всех проявлениях итальянской жизни.

Однако из Рима этим движением было невозможно управлять и продвигать нужным образом. Если в первое время, на этапе формирования, неза-

---

Alighieri) – в состав Национального института фашистской культуры, осуществленное 20 ноября 1931 г.

висимость казалась необходимой, то позже, на этапе развития, её необходимо было каким-то образом регулировать. И это можно было сделать только при помощи Института национального характера, возникшего над всевозможными местными институтами, которые в своё время возникли на обломках древних народных Университетов.

Этот институт, который с момента своего возникновения находился под управлением Джованни Джентиле, должен был быть чем-то большим, чем первый среди равных, он должен был регулировать всю культурную жизнь нации. И он без сомнения справлялся с этим, что также является его заслугой.

Как я уже говорил, допускалось, чтобы в каждом городе самостоятельно образовывались, без всяких призывов, которые, впрочем, были бы напрасными, и без любого вмешательства, которое было бы губительным, все новые очаги фашистской культуры.

Всё это происходило в накаленной атмосфере в период с 1923 года по сегодняшний день. До сих пор в городах возникают новые институты, которые являются последователями этого движения за возрождение, которое развивается не так быстро как остальные. Сейчас фашистские институты культуры живут и процветают в крупных и малых городах, в промышленных, коммерческих и сельскохозяйственных центрах, в холодной и сырой погоде Севера, под голубым небом Сицилии и под палящим солнцем Ливии.

Это брожение, желание обновления и, прежде всего, необходимость из всего услышанного понять и углубленно изучить новые социальные и экономические доктрины, являющиеся идеологическим содержанием Фашизма, всё это признаки обновления и оздоровления политического самосознания, которое с каждым днём укрепляется в итальянском народе.

Однако сейчас, когда эти институты возникли и получили полную свободу, как в своём внешнем облике, так и в своём оснащении, отвечающем различным требованиям отдельного города, Национальный Институт начал мягкими методами и с успешными результатами свою работу по ассимиляции и контролю.

Сейчас многие, почти все Фашистские Институты Культуры по всей Италии связаны с Национальным Институтом.

Поэтому можно сказать, что с этих пор начинается второй этап этой важной и деликатной деятельности Режима.

Однако не могло пройти слишком много времени без того, чтобы Италия, возрождённая к жизни благодаря Фашизму, который должен был разбудить её и укрепить ее ослабленные силы, не почувствовала необходимость расширить сферу своей деятельности в области образования и культуры.

Замечательно постоянно воспитывать самосознание итальянского народа, поощряя проявления интеллектуальной жизни, и углубляясь во все слои общества, познания, в самые разные отрасли науки. Но также замечательно смотреть по ту сторону границ и доносить как до наших соотечественников, живущих за границей, так и до самих иностранцев голос нашего искусства и нашей мысли.

В Италии была, и долгие годы с большой ответственностью выполняла свою благородную роль, ассоциация, которая всегда сохраняла, что было предусмотрительно, характер негосударственной организации. Я хочу сказать

об ассоциации «Данте Алигьери», которая более тридцати лет наперекор трудностям, непониманию, жертвам и немалой опасности, умела поддерживать огонь в сердцах итальянцев, по-настоящему озабоченных будущими судьбами нации.

Ассоциация «Данте Алигьери» родилась из стремления и веры немногочисленных пылких патриотов, которые хотели, несмотря на тоскливую пору отречений и трусости, выйти за круг материальных проблем и обратиться к тем проблемам, решение которых должно было стать для народа долгожданным достижением завтрашнего дня. «Данте Алигьери» строила школы, организовывала курсы, распространяла книги там, где хотела прочно укрепить дух итальянской культуры и проводила свой крестовый поход с упорной настойчивостью и душевным пылом. Самая громкая победа этого крестового похода была одержана 4 ноября 1918 года.

Мучительная проблема ирредентизма, разрешение которой более тридцати лет было страстным желанием этих самых патриотов, была решена.

Однако «Данте» всегда чувствовала себя полной энергии и, прежде всего, веры в будущее развитие национального величия, и не сложила оружие, что было правильно. Помимо работы, вернее сказать тонкой политической работы, которую она завершила на не освобожденных, но, в конце концов, освобожденных территориях, «Данте» стала достойна той деятельности, которую она развернула по защите и пропаганде итальянского языка в разных регионах мира и, особенно, в странах Востока и Южной Америки.

Естественно, ассоциация продолжила, если не усилила свою предуготовительную деятельность по пропаганде итальянской культуры.

По крайней мере, проблема пропаганды за границей, с которой столкнулась «Данте Алигьери», в первые тридцать лет своего существования, и которая была успешна, разрешена, коренным образом отличалась от того, какой мы её представляем сейчас.

Италия пережила четыре года духовной дезориентации и политической анархии, которые наступили сразу после войны, и возродилась после всех лишений благодаря Фашизму. Появилась Италия, возрожденная духовно, с иным государственным устройством и с иными обычаями, которая столкнулась с другими политическими и социальными проблемами и готовилась разрешить эти проблемы новыми методами, которые прежде не использовало ни одно государство.

«Всё Государству, ничего без Государства, ничего против Государства», – вот зарождение концепции суверенного Государства.

При либеральных режимах индивид обожествлялся, он был разумом, центром социальной жизни, и его благополучие было гарантом Государства. Согласно новой доктрине, индивид являлся второстепенным, временным элементом огромного организма и должен был жить и развиваться в своё время и в ограниченном пространстве. Долгая и тяжёлая работа, направленная на то, чтобы поставить под контроль единой и верховной власти все эти частные начинания, появившиеся ещё при либеральном режиме, началась не сразу после того, как Фашизм из очень сильного и неуправляемого движения превратился в Режим, даже более чем в Режим – в Государство.

Даже там, где не было необходимости уничтожать то, что было создано до прихода Фашизма (было бы несправедливо утверждать, что всё созданное до необходимо было разрушить) было необходимо, из уважения к триумфальной доктрине, придать чисто официальный характер, потому что все программы, которые могли быть высоко оценены новым Режимом, были вне государственной политики, если не направлены против самого Государства.

В первые годы фашистского Режима были преобразованы многие институты, хотя некоторые, всё же, из практических соображений, сохранили своё устройство и свой дух.

Постепенно ассамблеи, которые долгое время были бесполезными собраниями риториков, перестали созываться, административные советы, пусть не всегда, но в большинстве случаев, упразднялись, президенты, назначенные или избранные из членов этих ассоциаций, были заменены назначенными государственными инспекторами.

Всё это было следствием процесса преобразования в наших институтах, который происходил под влиянием доктрины Фашизма. Эти преобразования должны были спасти, что и произошло на самом деле, деятельность учреждений культуры и социальной опеки от влияния большинства, которое очень часто не подлежало контролю, и от опасности оказаться в противоречии с директивами Режима.

«Италия – это Фашизм, а Фашизм – это Италия» – слова, произнесённые Дуче весной 1929 года, говорят о том, что работа по фашизации национальных институтов, начавшаяся сразу после прихода Фашизма к власти, теперь, спустя семь лет, стала свершившимся фактом.

Итак, форма деятельности должна была привлечь внимание правительства, которое интересовалось не только управлением страной, но и тем, чтобы дать новую душу и новый облик Нации, что и было среди прочего целью пропаганды за границей. До прихода Фашизма к власти было бы глупо думать о создании института пропаганды на государственном уровне.

В конце концов, Государство не было движущим центром общественной деятельности. Существовали организации, которые действовали исходя из собственных интересов, которые всё же нередко (и было бы несправедливо не признать это) определялись благородными гуманными и патристическими идеалами. Так было в случае с «Данте Алигьери»; в сфере социального обеспечения – с «Бonomелли», с «Обществом по Защите Беспризорников» и с другими, тому подобными, достойными организациями.

Однако деятельность по пропаганде итальянской культуры и культуры фашистской Италии не могла быть организовано никем, кроме как Государством.

Был необходим институт, который находился бы в прямой зависимости от Министерства Иностранных дел и деятельность, которого не зависела бы от политически несознательных людей или безответственных представителей большинства. Можно было бы дойти до абсурда, если бы в Фашистском тоталитарном государстве пропаганда культуры, следовательно, и самой политики за границей была бы доверена антифашистам, или если бы она в

какой-то степени была подвержена антinationальному или масонскому влиянию.

Нет! Фашистское правительство не могло не создать свой институт с государственным участием, чтобы заботиться, в гармонии с собственными доктринами, об охране и распространении итальянской культуры за пределами страны. Королевским Декретом от 26 ноября 1925 года, преобразованным в закон 16 июня 1927 года, институт, лучше сказать, некая инициатива индивидуального характера, которая называлась «Италика», осуществляющая в течение двух лет бесславную пропагандистскую деятельность в художественной и музыкальной сфере, была признана Организацией, соответствующей новой морали, и приобрела характерные черты Национального Института с государственным участием.

Конечные цели «Италики» были точно определены Его Превосходительством Главой Правительства, который начал своё выступление в Палате депутатов по поводу преобразования декрета в закон следующими словами:

« Уважаемые Коллеги! Для охраны и распространения итальянской культуры за границей необходимо создание некой организации, которая, устраивая концерты, художественные и книжные выставки, через лирический и драматический театр, кинематограф будет осуществлять свою полезную деятельность.

Поэтому Королевским декретом-законом от 26 ноября 1925 года, № 2144, были приняты необходимые меры по учреждению национальной организации «Италика» с местонахождением во Флоренции».

Как и было задумано Главой Правительства, был создан институт под руководством президента, которому были предоставлены полномочия комиссара.

Несомненно, «Италика» в период с 1925 по 1929 год была единственным институтом с государственным участием, которому Правительство доверила деликатную задачу по охране и распространению итальянской культуры за границей.

В 1930 году для поощрения процесса объединения институтов со сходными целями (так как их лучше добиваться через единство программ и согласованность усилий), «Италика» слилась с Национальным Фашистским Институтом Культуры, являющимся высшим институтом культуры Режима, и превратилась в отдел пропаганды за границей.

Несмотря на это объединение, «Италика» во многом сохраняла свою самостоятельность. Полагаю, было целесообразным то, что «Италика», помимо, своего старого месторасположения во Флоренции и собственного административного управления, сохранила и своё имя (очень легко догадаться о причине подобной предосторожности). Работа отдела, несмотря на то, что он находится в прямом подчинении одного из двух вице-президентов Национального Института, гармонирует с основными директивами самого Института.

Включение «Италики» в Национальный Фашистский Институт Культуры было многообещающим. Это казалось новым и возможно окончательным развитием, с фашистской точки зрения, работы по культурной и политической пропаганде.

Мы не должны забывать, что сегодня как никогда необходима координация действий сходных между собой институтов. Также необходимо сделать это и из-за наших сегодняшних финансовых условий.

Бесполезно, даже более того, губительно позволять организациям, обществам с трудом перебиваться изо дня в день без прочной экономической базы и без власти, которые необходимы для того, чтобы довести до конца работу, затрагивающую национальные интересы. Недостаточно того, чтобы некий институт за границей приносил пользу, прежде всего, необходимо предотвратить бедственное положение других институтов.

Очень немного можно сделать сегодня с обнищавшим бюджетом, но то малое, что мы можем, необходимо сделать с чувством большой ответственности.

Я пять лет работал под личным руководством Дуче и всю работу выполнял согласно директивным указаниям. Поэтому, исходя из собственного опыта, я могу утверждать, не боясь при этом быть опровергнутым, что мало какие начинания настолько трудны и коварны, как эта работа, целью которой является политическая и культурная пропаганда за границей. Но часто случается так, что, подчинившись полной и бесконтрольной инициативе отдельных личностей, частные интересы ставятся выше национальных интересов.

Театральный импресарио, устраивая ради собственной выгоды театральные лирические и драматические сезоны за границей, прежде всего, заботится о пополнении собственного бюджета, а не об увеличении популярности итальянского театра. Художники и скульпторы, организовывая выставки своих работ, прежде всего, пытаются угодить вкусу публики (хороший вкус или плохой, не имеет значения), которая приглашена восхищаться, а лучше покупать их работы. Поведение лекторов и докладчиков нередко бывает губительным. Уже несколько раз случалось так, что ораторы в пылу своего красноречия произносили политически неуместные слова, которых совсем и не собирались говорить. Позже за границей этим словам придавался официальный характер, потому что они были произнесены итальянскими фашистами и пропагандистами. Возможно, наши враги, которые сильны и безжалостны, придавали сказанному оттенок недоброжелательности. Поэтому, прежде чем отправится за границу, как мы говорим, для пропаганды, мы должны обладать чувством огромной ответственности.

Мы каждый день утверждаем, что Италия – фашистская, наш Режим тоталитарный и, что каждое проявление повседневной жизни, любой замысел, прежде всего, исходят из Рима. Подобные обещания заставляют нас быть очень осторожными, однако иногда нам недостаёт этой осторожности.

Поэтому первым делом фашистская Италия должна заняться контролем, реорганизацией и налаживанием работы по пропаганде за границей.

Знаю, что некрасиво цитировать самих себя, но иногда мы должны это делать, по крайней мере, для того, чтобы показать, что мы твёрдо уверены в том, что собираемся утверждать.

Не позднее, чем в июле прошлого года я выступал в Сенате с докладом и говорил: «Необходимо раз и навсегда согласовать всю работу по пропаганде, которая осуществляется за границей посредством различных выступлений, которые не имеют четких целей и не подготовлены надлежащим обра-

зом. В подобной работе опасно полагаться на частную инициативу, часто не отражающую настоящие интересы страны, надлежащий контроль за которой не в силах осуществить даже Министерство иностранных дел».

Единственная задача, которая должна быть важна для нас, чтобы правительство поняло эту неотложную необходимость и быстро приняло меры, чтобы удовлетворить пожелание, высказанное мною, и которое как я полагаю, оно со мной разделяет. Многие хотели бы видеть Италию, укрепляющую своё духовное превосходство в мире и занимающую место достойное её прошлого, настоящего и того будущего, которое её ожидает.

Как я уже говорил, высшим институтом культуры является Национальный Фашистский Институт Культуры, возглавляемый Джованни Джен-тиле, а в Совет этого института входят министры юстиции и образования, главы профсоюзов, заместитель министра внутренних дел и, кроме того, секретарь партии. Сейчас, когда «Италика» вошла в состав Национального Фашистского Института Культуры проблема, касающаяся органов пропаганды за границей, должна быть разрешена в первую очередь.

И что же требуется, чтобы начать эту работу?

Возможно желание, исходящее от участников этого торжественного Конгресса, которому вчера Дуче представил директивные планы и обозначил цели.

Выразите это желание, и это будет самым ясным проявлением вашей воли и веры.

Если мы хотим прочно укрепить в мире престиж Родины, не старой и не новой, а вечной, то действовать надо с фашистским пылом и без промедления. Наша Родина почти доказала полное обновление духа и нравов и её мы с романской гордостью называем «Италия Витторио Венето, Италия Муссолини».